

тета, слушали, рассматривали, ходили по комнатам, внимательно подсчитывали количество оружия, валявшегося повсюду».

«Спустя год, на банкете в честь союзных миссий в Ростове, — продолжает Ветлугин, — я встретил майора, с которым однажды обедал в Купеческом клубе. Он рассказал мне, что к началу апреля 1918 года интерес, возбужденный анархистами, был так велик, что их организациям и возможности их использования для борьбы с Советской властью уделил целую главу в докладе своему правительству английский консул; французский же генерал Лавернь (глава московской миссии) через третьих лиц предложил своих офицеров в качестве инструкторов».

Интересные признания, рисующие совместную работу фабрикантов и анархистов, белогвардейских офицеров, безработных адвокатов и французского и английского правительств.

Ветлугин глубоко ненавидит не только коммунистов, но и весь революционный русский народ. Если б от него зависело, он не остановился бы ни перед чем, чтобы отомстить этому народу, уничтожить его, лишь бы вернуть буржуазии и ее лакеям прежнее положение. В конце своей книжки он приводит известную фразу Ленина: «Или вошь съест коммунистическую Россию или коммунистическая Россия победит вошь», и затем кончает свою книжку словами:

«Спаси нас, великая, единственная русская вошь!..»

Подобная мерзость издается за границей. Очевидно, она приходится по вкусу многим русским белогвардейцам.

Н. Мещеряков.

ГРИГОРИЙ РАКОВСКИЙ. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Изд. «Воля России». Прага, 1921 г. Стр. 276.

Среди изобилия «мемуарной» белогвардейской литературы книга Г. Раковского выделяется и представляет большой интерес. Пред нами сборник «воспроизведенных по стенограммам пока-

заний виднейших деятелей стана белых в период его вырождения, агонии и ликвидации». Книга не лишена и морали, сводящейся к утверждению: правы были с.-р., когда еще на IX съезде провозгласили: «ни Ленин, ни Колчак, а третий путь»... Г. Раковский и ставит себе задачу «объективно» наметить России выход из «заколдованного круга», в котором она бьется. Этот путь — тесная связь с «русской либеральной демократией», он «параллелен пути социалистов»... Таким образом, изображение деятельности Крымского правительства, его крах, бегство из Крыма и жизнь в изгнании — все это должно иллюстрировать основную мысль автора.

«Крымский нарыв» на теле Р.С.Ф.С.Р. возник, собственно, случайно. Разбитая армия «деникинских орлов» остановилась «проездом» в Крыму, и на короткое время Крым стал центром «старой бюрократии, аристократии, черносотенного духовенства, царских чиновников»... Республика была занята на Западном фронте и мало обращала внимания на Крым, а Франция желала отвлечь Советскую Россию от главного врага страны, от поляков, и поддерживала Врангеля... Так выросла крымская опасность. Англия в своей декларации заявила, что *впредь* она не будет оказывать поддержки белым, и Франция «сама» вынесла все бремя «крымской эпопеи». Наиболее интересные страницы книги Г. Раковского посвящены распродаже Крыма. Вся операция по занятию С. Таврии была затеяна с целью обеспечить себе хлебный район для вывоза зерна за границу. По договору, заключенному Врангелем с Францией, «весь юг России со всеми его промышленными предприятиями, железными дорогами попадал в кабалу Франции на долгие годы». После эвакуации Врангель расплатился с Францией: отдал ей Черноморский флот и огромные запасы товаров в Крыму. Во главе «русской армии» («добровольческая» — то же) стал барон Врангель. Он объявил себя диктатором Крыма. Это было новое слово «врангелевской политики». «То, что было до меня, — говорил Врангель, — у Колчака и Деникина, это не диктатура». Тормозом у Колчака были с.-р., у Деникина же существовали всякие со-

вещания, которые связывали его по рукам и ногам. Врангель, опираясь на армию кондотьеров, создал правительство из матерых черносотенцев (Глинка, Кривошеин), но он гордился тем, что в правительстве был «бывший революционер» П. Струве и с ним «сотрудничал» с.-р. Долгополов. Он давил всякую общественность, реставрировал царскую администрацию, покрыл Крым сетью охранок, ввел цензуру, которой—как пишет Г. Раковский—преподал инструкцию: «Если по какому-либо вопросу не издан приказ главнокомандующего, — значит, говорить об этом несвоевременно. Если издан—лучше его никто не напишет». Идеологами «врангелевской линии» было духовенство. Г. Раковский образно передает рапорт командира стрелкового полка генералу Витковскому о пропаганде отцов церкви: по их мнению, на знаменах «Русской армии» следует написать: «За веру» и «Бей жидов, спасай Россию», и идти вперед без всяких сомнений, а то писали: «За единую, неделимую», и очутились в Крыму»...

Духовенство и реакционные круги провозглашали восстановление «хозяина» и весьма усиленно поговаривали о «болярине Петре», как о претенденте на престол. Г. Раковский усиленно подчеркивает в своей книге именно это чистое, без примесей, черносотенное лицо Врангеля. Но следует отметить, что к концу обороны Крыма белыми создавалась оппозиция ультра монархистов, для которых Врангель был «левым». Если по идее Струве Крым должен был стать «опытной станцией», показателем той свободы, которую несут белые миру, то это была «свобода» царской России. Все дело, однако, в том, что Врангель проводил «левую политику правыми руками». В этом была соль его новой тактики. Но все сводилось только к «вдохновенному надувательству». Аграрная реформа о наделении крестьян землей в собственность предполагала, что крестьяне в продолжение 25 лет в пользу помещиков будут выплачивать $\frac{1}{5}$ своего урожая, а по истечении срока получают «купчую»... Г. Раковский передает, как проводилась в жизнь аграрная реформа. Когда полковник Крыжановский занял станицу Таманскую, он

обратился к казакам с речью: «Вот я вам покажу, где и чья земля» и... выпорол старика. Врангель надувал и признанием «самоопределения народов». Эта тактика имела успех. Врангель стал центром всех контр-революционных сил: от Востокова и Маркова до Савинкова и Долгополова.

Мы не будем приводить картин суда, террора и расстрелов в дни царствования Врангеля, нас больше интересует конфликт между «верховным правителем» и казачеством, а также расслоение внутри последнего, в изображении Г. Раковского. Дело в том, что в Крыму было несколько правительств: Врангеля, донского, кубанского и терского казачества. Казачество было настроено оппозиционно. Газета «Донской Вестник» выставила программу: «За землю и волю», «За учредительное Собрание». Но милое сердцу автора, близкое к с.-р. казачество, только фрондировало: Врангель ладил с казачьими верхами, и «третья сила» смиренно «держала под козырек» Врангелю. В этих правительствах чехарда царствовала, шла упорная «гражданская война». Но и правительство Врангеля, все начальники и подчиненные грабили,— грабили без конца. Разговор о валюте, о торговле был самым излюбленным в этом аристократическом обществе... Да еще брали взятки: от генерала до солдата. Над всем этим «обществом»: над армией, общественностью, правительством царил скука, апатия, отсутствие веры в предпринятое дело. Воевали или для грабежа, или потому, что выхода не было. Вот почему частичные победы так быстро сменялись неслыханными поражениями. Г. Раковский уделяет не одну интересную страницу изображению эвакуации. «Бежали,—пишет он,—обезумевшие толпы, оставляя за собою ужас и ненависть населения». К сожалению, не можем мы также привести картину переезда в Константинополь. На кораблях царил ужас: «измученные, терявшие человеческий облик люди превратились в зверей», а в это время офицеры пировали и в перерывах устраивали военно-полевые суды и даже... приводили в исполнение смертные приговоры. Не стало лучше беглецам и по прибытии в Босфор. Долго их держали на кораблях

у Константинополя, после чего разместили по пустынным островам: Лемнос, в Чаталджинских лагерях... Здесь, изолированные от всего мира, казаки живут впроголодь, проклиная своих вождей. А Врангель в Константинополе возрождает и укрепляет свою «верховную власть», пьяный делает смотр казакам. Надежды Врангеля, как и всей белогвардейщины, выросли вместе с кронштадтским мятежом. Врангель собирается высадить десант. Созывает «русское собрание», ведет борьбу с «левыми»... И Г. Раковский с печалью отмечает: «Ему говорили, что он губит дело кронштадтцев, губит русское дело одной своей маркой», но он продолжал свое... Стоило, однако, генералу Пелле, представителю Франции, отдать приказ 14 марта 21 г. о распылении армии, как пред правительством Врангеля не было другого выхода, кроме подчинения. К первому апрелю Франция отказывается от помощи, армия должна быть распущена: или в Советскую Россию или в Бразилию!.. После некоторого сопротивления дело было кончено.

Вот как Врангель в разговоре с Г. Раковским изображает «крымскую эпопею»: «В Крыму происходила гальванизация трупа. Все, что там делалось было лишь искусственным поддержанием жизни умирающего организма»... Нельзя с этим не согласиться. «Стан белых стал станом черных», делает вывод Раковский. В этой окончательной ликвидации идеи о сотрудничестве демократических элементов с реакционными, в крахе идеи об интервенции—для него смысл поражения Врангеля. «В настоящий момент,— пишет он,—параллельно созданию демократического, республиканского фронта идет концентрация реакционных сил, создается антидемократический, черный, монархический фронт». Идейный исход из лагеря белых начался давно. Уже конфликты между казаками и Врангелем предвещали это, но созрел он в изгнании в лагерях... Здесь «белые» отделились от «черных», и начала развиваться, оформляться идеология «розовых». Именно тогда Россия № 2 предстала перед нами, как два лагеря: «Общее Дело» и Врангель; «Последние Новости» и «Воля России». Разложение эмиграции создало

также почву «сменовеховцам». А казачья масса на пустынных островах не знает, зачем она погибала и куда ей направиться.

Г. Раковский видит спасение идеи о «возрождении России» в коалиции с.-р. и «либеральных демократов» через взрыв Советской власти изнутри (Кронштадт). Но и для него—это мечта... Пока он вынужден признать, что в борьбе между «Лениным» и «Колчаком» победили коммунисты. Но мы знаем теперь, что победу коммунисты одержали не над одним «Колчаком». Пролетарская Республика одержала моральную и военную победу над целым сонмом врагов. Одним из лучших литературных доказательств этого является книга Г. Раковского.

Ц. Фридлянд.

К. Д. НАБОКОВ. Испытания дипломата. Стокгольм. «Северные Огни». 1921 г. 282 стр.

К. Д. Набоков был почти с самого начала империалистической войны русским дипломатическим представителем (поверенным в делах) в Лондоне. За время войны и революции перед его глазами прошло многое. Поэтому от него можно было ожидать книги захватывающего интереса. Но автор или не умеет или не хочет рассказать то, что он знает. Он сохраняет старую привычку дипломатически молчать, и его книга дает мало интересного, нового. Но кое-что в книжке Набокова не лишено интереса.

Интересна, например, роль, которую Набоков, как представитель временного правительства в Лондоне, играл в деле возвращения русских эмигрантов времен царизма. Он сам признается, что старался пускать их в Россию с разбором, стремился не допускать возвращения большевиков. «Нужно принять меры к тому, чтобы остановить наплыв большевиков в Россию», писал он временному правительству.—«Если вы будете продолжать водворять на родину всех без разбора,—вы этим самым подрубите тонкий сук, на котором сидите» (стр. 87). Тут же Набоков прибавляет, что живший в то время в Лондоне известный эс-эр Гав-